

«Отрывок из задуманного» – так обозначил предложенный редакции материал известный прозаик Надир Агасиев. Именно из задуманного – не из написанного. Объяснение здесь простое: задумок у него множество и все очень любопытные – он умеет увидеть обычное, казалось бы, явление в ракурсе, в каком остальные его не видят, подметить то, чего другие не замечают, и уложить это – не в сюжет даже, а в некий литературный пазл, который ему – это ощущаешь при чтении его прозы – было увлекательно складывать, а читателю, соответственно, интересно рассматривать. Проза его действительно складывается как бы из зеркальных осколков, в которых отражается реальность, переплетенная с фантазией – воспоминания автора из минувшего, их философское осмысление, то, что было, и чего не было, но могло бы – или не могло бы – быть в его жизни. Но для того, чтобы все это сложилось и уложилось в задуманный автором пазл, задуманное должно стать продуманным, и лишь потом лечь на бумагу. Агасиев – автор вдумчивый, он не торопится поскорее выплеснуть на бумагу и обнародовать свои мысли и чувства. Но когда это все же, наконец, происходит, читатель может насладиться настоящей, крепко сбитой прозой, не клишированной не банальной, а очень своеобразной – агасиевской.

«Отрывок из задуманного» публикуется в ноябрьском номере «Литературного Азербайджана» не случайно: в ноябре у Надира Агасиева юбилей – ему исполняется 70 лет. Знаменательная и славная дата! Время, когда за плечами огромный жизненный багаж и, значит, есть чем поделиться с читателями. Тем более, что у Надира Агасиева это здорово получается.

Коллектив редакции журнала «Литературный Азербайджан» поздравляет нашего автора и коллегу с 70-летним юбилеем и желает ему здоровья и еще многих лет в литературе, творческих успехов и новых литературных пазлов, которые мы с нетерпением будем ждать.

НАДИР АГАСИЕВ

Отрывок из Задуманного

*Он тот, кто ведет нас во мраке суши и моря,
и кто посылает ветры радостной вестью
пред своим милосердием.*

**Коран в переводе Крачковского
Сура 27. Муравьи**

Идея эта зародилась во мне тридцать лет и три года назад от дружеского участливого упрека. Мы втроем: А.Г., И.Д. и я сидели в кафе у самого моря, на нашей бакинской «Венеции». Официант сервировал стол.

«Что ж ты, милый мой, такой переполненный-то ходишь?» – спросил А.Г. Ответа от меня не требовалось, просто надо было прислушаться.

Я действительно был переполнен, не мог пересилить себя, заставить что-то сесть писать. Хотя я писал, писал везде – в метро, в автобусе, дома, лежа на диване, писал не «в стол», а «в себя», в голову светлую свою, писал и каждую минуту мог быть со всем своим «написанным», с которым, считал, вовсе необязательно с кем-то делиться.

«Откуда вы знаете, А.Г.?»

«А это видно, – ответил он. – Надо, милый ты мой, сесть писать, опустошаться!»

Рецепт был правильный. И я тогда озорно подумал: вот бы взять и «сдуться», выплеснуть все из себя, суметь совместить несовместимое: рассказы, пьесы; слить во единое целое коронованных особ, мотористов катеров, дизелистов, девушек, что мне нравились, вельмож, короля, что был придуман еще в студенческие годы, – всё в кучу и чтобы получилось цельное произведение. Идея мне понравилась, зажила во мне. Жила ровно тридцать три года.

А.Г. и раньше упрекал меня, писал между сессиями, что если я не хочу писать, могу этого и не делать. Мне была понятна его досада. На одном из семинаров в институте он сообщил, что я был первый, кого он решил взять на свой семинар прозы. Хотя мне было и лестно, но думаю, так уж получилось, что работы мои, присланные на конкурс в Литературный институт, попались ему в числе первых.

А я писать всегда хотел, даже еще в четвертом классе. На обложке тетради написал печатными буквами: «Мои первые книжки». Была раньше такая книжная серия. Я завел тетрадь, но не решался записывать, стал писать «в себя» свои рассказы. Мой одноклассник Лева, увидев эту тетрадь, стащил ее, любопытен был. Ну что можно было прочитать в чистой тетради, когда все пока еще было записано в голове?

– А я видел вчера во сне Бога, – сказал я и был не понят. Оказалось, не к месту. А.Г. и И.Д. переглянулись, простили мне откровение. Официант уже принес шашлыки, люля-кебаб. – Бог – это свет, – завершил я начатое.

«... новопреставленных завели в темный кинозал, где должны были они увидеть Бога. Зал был мне знаком потолком, оклеенным для акустики яичными клетками, как и кинозал Дворца культуры в поселке Кара Чухур. Отец Генки, моего друга детства, маляр высокого класса, делал ремонт кинозала, покрасил стены, оклеил потолок яичными клетками, и одна из клеток над четвертым местом в восемнадцатом ряду была приклеена перевернутой. Генка всегда садился под этой «клеткой наоборот», наверное, чтобы как-то скрыть оплошность отца. Я говорил ему, может, это люк, люк в небеса.

«Бог – это свет!» – говорили всё с возрастающей громкостью новопреставленные. Действительно, появился свет, он лился из перевернутой яичной клетки на потолке как поток света из кинопроектора на белый экран. Чем громче звучало: «Бог – это свет!», тем ярче проявлялся он на экране. Я слышал свой голос в хоре новопреставленных, хотя точно знал, что меня среди них нет, а если я незримо там и присутствую, то еще вернусь. Ну хотя бы потому, что мне необходимо попасть в Кара Чухур, войти в кинозал дворца, посмотреть на потолок, найти «неправильную» яичную клетку...»

Подтверждением моего сна был тонкий луч света, который, найдя прореху в осенних облаках, через осеннюю, пожелтевшую листву на деревьях, минуя наш стол, на миг озарил лицо пожилой дамы в шляпе, явно не местной, сидящей в «бакинской гондоле» – плоскодонке с мотором – на канале Венеции. Подняв голову, женщина заулыбалась, увидев в этом свете А.Г., кажется, даже узнала его.

Не приняли мое откровение, да и ладно. А.Г. был ярко освещен, для меня в литературе он был величиной большой. Женщина в «гондоле» смотрела на него, а он смотрел на меня.

– Что ж ты, милый мой, такой без тараканов? – спросил А.Г., когда мы ушли с Венеции и сидели с ним, уже вдвоем, в дегустационном винном подвале. Так уж по-

лучалось, что всех своих гостей мне удавалось затащить в дегустационный подвал на улице Зевина.

А я и не знал, что я без тараканов, считал себя человеком ушлым и вполне хитрющим. Но коль А.Г. говорит!..

Я пообещал себе напустить в себя тараканов.

Не приживались они. Теперь, через тридцать три года, я знаю, почему.

...Летом приехал сын с внуком, мы поехали на дачу к дочери, в Загульбу, Загульбу, которую помнили и любили с детства, я со своего, сын с дочерью – со своего. Дача, которую снимала семья дочери, была устроена так, что от самого входа начинался навес с виноградником, сразу за ним шла веранда из прозрачного пластика.

Сидишь на веранде, смотришь на море впереди, и тебя так и тянет пойти напрямик к нему, если забыть о 20-миллиметровом прозрачном пластике. И вот всякие там насекомые, жуки, может, даже и тараканы летучие, пролетая под виноградником, залетали на веранду, а дальше – к морю, ударялись о прозрачный пластик. Лежали лапками кверху, пока внуки мои, спасая несчастных, не подставляли к их шевелящимся лапкам свои тонкие пальчики и не выпускали на свободу. Я смотрел на жуков, думал, что также и те тараканы, что я загонял в себя, оказавшись во мне, теряли свою сущность тараканью, переворачивались лапками кверху в надежде на спасение.

...Завершали мы с А.Г. день у меня дома. Я пригласил его «на долму», просто сказал, что недавно женился, и жена моя приготовила свою первую в жизни долму. Поедем? «Была не была!» – согласился А.Г., вывернул наизнанку куртку, теперь она была другого цвета, надел ее – как вошел в другую жизнь. Мы вышли из дегустационного подвала.

Долма оказалась совершенной, а толстый шмат сала, что я привез из Москвы, – презент подруги юности Ларисы, вообще оказался для А.Г. ностальгическим.

– Выходит, ты, милый мой, поменял литературу на счастливую семейную жизнь, – завершая день общения со мной, вынес свой вердикт А.Г. – Обмен не самый плохой.

А я не собирался ничего обменивать; мне хотелось и первого, и второго, и третьего. Третье – это, типа, компот, бонус, признание, не всеобщее, конечно, а чтоб хотя бы невзлюбившая меня учительница русского языка в школе, услышав обо мне, призналась, что была неправа. Пошла бы, горько заплакав... но вряд ли ненавидящие особи способны плакать. Я было подумал назвать ее так, как А.Г. на семинаре назвал свою обидевшую его учительницу, словом средней едкости, но не было у меня такого статуса, который любую бы брань делал безобидной.

А.Г. уехал, во мне появился еще один связанный с ним пазл. Я подумал: жаль, не успел поделиться с А.Г. мыслью, что литература – это, в какой-то мере, пазлы, которые надо умело соединить. Пазлы не соединялись во мне, пока я не обнаружил несколько ключевых. Одним из них явился ветер. Все сокрушающий ветер, который мы с моими друзьями-нефтяниками пережили, находясь в море, в самом его эпицентре. Ветер, который посылается перед милосердием...